568007

568007

3688

ЗАПИСКА

по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ языкѣ.

Комитетъ Министровъ, приступивъ въ засѣданіяхъ 28 и 31 декабря 1904 г. къ обсужденію способовъ исполненія предначертаній пункта [illegible]енного Высочайшаго Указа 12 декабря 1904 г. объ устраненіи изъ [illegible]тановленій о печати излишнихъ стѣсненій и о поставленіи печати въ точно опредѣленные предѣлы, между прочимъ, остановился на Высочайшихъ повелѣніяхъ 18—30 [illegible] 1876 г. и 8 октября 1881 г., коими запрещены печатаніе и изданіе на малороссійскомъ языкѣ всякаго рода сочиненій, за исключеніемъ историческихъ документовъ, словарей и произведеній изящной словесности. Постановленія эти въ свое время не были опубликованы и не вошли въ Сводъ Законовъ. Въ виду того, что примѣненіе изъясненнаго запрета, значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня, Комитетъ Министровъ находитъ возможнымъ высказаться за желательность отмѣны этой мѣры, какъ стѣсняющей свободу печатанія на малороссійскомъ нарѣчіи различныхъ книгъ. Но для разрѣшенія сего вопроса въ распоряженіи Комитета не имѣется достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній. Поэтому и въ видахъ вящщей осторожности, Комитетъ находитъ полезнымъ для большаго разъясненія практическаго значенія упомянутаго запрета и проистекающихъ изъ него неудобствъ предоставить г. Министру Народнаго Просвѣщенія запросить мнѣнія по сему вопросу Императорской Академіи Наукъ и Императорскихъ университетовъ Кіевскаго и Харьковскаго и представить таковыя, вмѣстѣ съ своимъ по онымъ заключеніямъ, на уваженіе Комитета. Останавливаясь на этомъ выводѣ, Комитетъ, вслѣдствіе возникшаго въ средѣ его вопроса, считаетъ необходимымъ оговорить, что настоящимъ положеніемъ отнюдь не имѣется въ виду сколько нибудь затрогивать вопросъ объ языкѣ преподаванія въ народныхъ школахъ малороссійскихъ губерній.

Центральна Наукова Бібліотека при АДУ
Інв. №

Въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Харьковскаго университета 14 февраля с. г. по заслушаніи предложенія г. Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа, была избрана Коммиссія для составленія докладной записки по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ нарѣчіи.

Въ составъ Коммиссіи вошли профессоры—*Д. И. Багалѣй, Т. И. Буткевичъ, А. К. Бѣлоусовъ, А. Г. Зайкевичъ, Н. А. Максимейко, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, А. А. Раевскій, С. В. Соловьевъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, М. Г. Халанскій* и *М. П. Чубинскій*. Дѣйствія Коммиссіи были открыты 18 февраля г. Ректоромъ, предложившимъ членамъ Коммиссіи избрать изъ своей среды предсѣдателя. Предсѣдателемъ избранъ единогласно Н. Ѳ. Сумцовъ; секретарями—Н. А. Максимейко и С. В. Соловьевъ. Коммиссія имѣла пять засѣданій, въ которыхъ была выработана нижеслѣдующая записка, представляемая на обсужденіе Совѣта.

Малорусскій языкъ въ лингвистическомъ отношеніи представляетъ нарѣчіе русскаго языка. По авторитетному мнѣнію акад. А. А. Шахматова, онъ началъ выдѣляться медленно и постепенно около X в., и болѣе или менѣе опредѣлился уже къ XI вѣку. Количество говорящихъ на малорусскомъ языкѣ, по послѣднимъ даннымъ, доходитъ до 25—30 милліоновъ. Въ отношеніи діалектовъ малорусскій языкъ распадается на два крупныхъ нарѣчія: южно-малорусское или украинско-галицкое и сѣверно-малорусское, причемъ каждое изъ названныхъ нарѣчій имѣетъ свои говоры и подговоры. Литературно-обработаннымъ является южно-малорусское нарѣчіе. Въ Галиціи это нарѣчіе служитъ языкомъ науки и преподаванія въ низшей, средней и высшей школѣ, съ примѣсью мѣстныхъ народныхъ элементовъ.

Развиваясь и дифференцируясь естественнымъ образомъ, малорусскій языкъ въ настоящее время достигъ такой степени отличія отъ русскаго литературнаго языка, что пониманіе малороссомъ изданныхъ на немъ книгъ, является крайне затруднительнымъ.

Начало малорусской литературы уходитъ въ отдаленную древность. Въ лирикѣ Слова о Полку Игоревѣ и Слова о погибели земли русской, въ преданіяхъ Древней лѣтописи уже сквозитъ южно-русская духовная стихія. Въ XVI и XVII ст. она выступаетъ отчетливо въ переводахъ Св. Писанія на малорусскій языкъ и особенно въ думахъ, или историческихъ пѣсняхъ. Характерными памятниками малорусскаго слова XVII ст. служатъ посланія Іоанна Вышепскаго и Слово о бездождіи неизвѣстнаго автора. Въ XVII ст. выдвигаются многія школьно-малорусскія драмы, такъ наз. мистеріи и интермедіи. Въ языкѣ слободско-

украинскаго философа и поэта XVIII в. Г. С. Сковороды ясно обнаруживается малорусская народная стихія. Отцомъ новой малорусской литературы считается И. П. Котляревскій: онъ проложилъ новые пути, видвинулъ и реформировалъ драму и внесъ сильный демократическій элементъ. Мѣстомъ дѣятельности и вліянія Котляревскаго была преимущественно родная его Полтавщина. Въ 30 и 40-ые годы въ украинскомъ литературномъ движеніи живое участіе принялъ Харьковъ, въ которомъ усердными работниками въ этомъ отношеніи были Артемовскій-Гулакъ, Квитка, Метлинскій, Костомаровъ, Корсунъ. Въ 60-ые годы выдвигается кіевщина въ лицѣ геніальнаго Шевченка, и съ этого времени малорусская литература получаетъ общее признаніе въ славянствѣ и въ Западной Европѣ. Имя Шевченка идетъ рядомъ съ именами величайшихъ славянскихъ поэтовъ. Секретныя запрещенія, тяготѣющія надъ малорусской литературой свыше 40 лѣтъ, не могли помѣшать ея росту. Даровитые писатели идутъ одинъ за другимъ—Кулишъ, Мордовцевъ, Глѣбовъ, Щоголевъ, Левицкій, Мирный, Старицкій, Кропивницкій, Франко. Въ новѣйшее время стали выдвигаться Коцюбинскій, Винниченко, Стефаныкъ, Карпенко-Карый, Леся-Украинка, Чернявскій, Крымскій, Гринченко. Выдающійся въ настоящее время галицко-русскій ученый писатель и критикъ г. Франко даетъ высокую оцѣнку нѣкоторымъ современнымъ малорусскимъ авторамъ. Такъ, онъ находитъ, что „по свѣжести и гармоничности таланта на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Мих. Коцюбинскаго, который отличается мягкостью колорита, законченностью композиціи, пластичностью рисунка и нѣжнымъ лиризмомъ“. Произведенія Крымскаго отличаются „яркостью красокъ и глубокимъ лиризмомъ“. Самойленко—„одинъ изъ лучшихъ мастеровъ украинскаго слова“. Леся-Украинка признана какъ „сильный талантъ“. Стефаныкъ—„съ большимъ мастерствомъ вникаетъ въ душу галицко-русскаго крестьянина“. „Стихотворенія Чернявскаго отличаются хорошимъ языкомъ, искренностью чувства и богатствомъ колорита“.

Таково было въ общихъ чертахъ развитіе малорусской литературы, обѣщавшей, при естественномъ и правильномъ теченіи, сдѣлаться важнымъ средствомъ широкаго и разносторонняго преуспѣянія народнаго образованія. Тѣмъ болѣе вредными и пагубными оказались послѣдующія запрещенія, сковавшія малорусское слово на многіе годы.

Коммиссія, избранная Совѣтомъ Императорскаго Харьковскаго университета, по вопросу объ устраненіи тѣхъ ограниченій, которыя съ 1863 г. прилагаются къ малорусскому языку и малорусской литературѣ,

считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ категорически высказаться о безусловномъ, исторически вполнѣ уже доказанномъ, ихъ вредѣ, какъ для всей Россіи, для ея умственнаго развитія, такъ въ особенности для Малороссіи, во всѣхъ формахъ ея нравственной жизни.

Харьковскій университетъ, можетъ быть болѣе, чѣмъ какой-либо другой изъ русскихъ университетовъ, имѣетъ основаніе высказаться въ пользу полнаго признанія малорусскаго языка, не только потому, что Харьковскій университетъ въ теченіе истекшаго столѣтія работалъ преимущественно среди малорусскаго населенія, но и потому, что онъ обязанъ малорусскому слову многими лучшими страницами своей исторіи. Въ значительной степени подъ прямымъ вліяніемъ украинской народной поэзіи и литературы былъ воспитанъ въ Харьковскомъ университетѣ тотъ благородный идеализмъ, который въ Метлинскомъ, Костомаровѣ, Потебнѣ развилъ и направилъ главные ихъ ученые интересы и оказалъ въ высокой степени благотворное вліяніе на Срезневскаго, на первыхъ порахъ его ученой дѣятельности.

Любовь къ мелодичной украинской рѣчи въ Харьковѣ всегда тѣсно сплеталась съ стремленіемъ къ народному образованію, къ признанію въ крестьянинѣ человѣка, къ выясненію лучшихъ сторонъ народной души. Наиболѣе характерными выразителями такого настроенія въ Харьковѣ были Квитка-Основьяненко и Метлинскій. Квитка составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, которую не пропустила цензура, сталъ издавать брошюры для народа — „Листы до любезныхъ земляковъ“, учредилъ общественную библіотеку, создалъ мѣстный институтъ благородныхъ дѣвицъ, заботился о развитіи театра и вездѣ жертвовалъ свой трудъ, средства, знанія. Метлинскій, по словамъ его ученика Де-Пуле, былъ идеалистъ и литераторъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ образцомъ простоты, труда, честности, рѣдкаго добродушія; эти благородныя черты характера развиты были общеніемъ съ народомъ, его любовью къ малорусской поэзіи и языку. Метлинскій записывалъ народныя пѣсни, издавалъ ихъ и писалъ въ ихъ духѣ стихи.

До 60-хъ годовъ русская и малорусская литературы находились въ одинаково тяжелыхъ цензурныхъ условіяхъ. Въ освободительные 60 годы русское слово получило большое облегченіе, и тѣмъ болѣе странно, что на слово малорусское въ 1863 г. было наложено особое запрещеніе, и въ сущности единое слово русскаго народа поставлено было въ два различныя, почти противоположныя положенія. Въ то время какъ малорусская литература въ лицѣ Шевченка была признана всѣмъ

славянствомъ и всей образованной Европой, министерство внутреннихъ дѣлъ въ лицѣ Валуева въ 1863 г. выставило категорическое положеніе, что „малорусской литературы не было, нѣтъ и быть не можетъ“. При этомъ совершенно было упущено изъ виду, что всякая литература, въ частности литература малорусская, какъ продуктъ внутренняго духовнаго развитія, представляетъ драгоцѣнный капиталъ, и заключаетъ въ себѣ такія нравственныя силы, подрываніе которыхъ приводитъ къ деморализаціи, огрубѣнію и невѣжеству.

Секретное предписаніе 1863 г., запрещавшее переводы и просвѣтительную литературу для народа, по ироніи судьбы, вышло въ то время, когда въ славянофильской „Русской Бесѣдѣ“ хвалили малорусскія проповѣди Гречулевича, въ столь же славянофильскомъ „Днѣ“ съ одобреніемъ отнеслись къ переводу евангелія на малороссійскій языкъ, когда даже Катковъ принималъ деньги, по объявленію Костомарова, на фондъ для изданія украинскихъ книжекъ. Какъ искусственно было раздуто послѣдующее гоненіе на малорусскій языкъ, видно изъ того, что незадолго до злополучнаго закона 1863 г. Министерство народнаго просвѣщенія ассигновало 500 руб. на изданіе малорусскихъ учебниковъ для народныхъ школъ.

Съ изданіемъ закона о томъ, чтобы „пріостановиться съ пропускомъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ духовнаго содержанія, учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа“, 25 милліонному малорусскому народу былъ закрытъ доступъ къ образованію, по пути наиболѣе для него удобномъ и близкомъ. Дверь была захлопнута наглухо, и такъ крѣпко, что за 10 лѣтъ, съ 1863 по 1872 г. въ нее проскочила лишь одна малорусская книжка.

Министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Валуевъ, въ своемъ отношеніи къ министру народнаго просвѣщенія отъ 18-го іюля 1863 г., сообщалъ, что онъ „призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ св. синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ-же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народомъ пріостановиться“. На отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ отвѣтъ министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина отъ 20 іюля 1862 г. слѣдующаго содержанія: „Ваше Превосходительство, спрашивая мое мнѣніе о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на

малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья, изволите сообщать, что Кіевскій цензурный комитетъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ нарѣчіи и что Кіевскій генералъ-губернаторъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разматриваемаго нынѣ духовною цензурою перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта. Вслѣдствіе сего, имѣю честь увѣдомить, что *сущность сочиненія, мысли, изложенныя въ оном*ъ, и вообще *ученіе, которое оно распространяетъ*, а отнюдь не *языкъ* или *нарѣчіе* [1]), на которомъ написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и что стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ и нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать—весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. Посему министерство народнаго просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію. Затѣмъ, если стараніе это употребляется нѣкоторыми лицами, какъ личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанныя на малороссійскомъ языкѣ, употребляются, какъ орудіе вредной антирелигіозной или политической пропаганды, то цензура обязана запрещать подобныя книги; но запрещать ихъ *за мысли*, въ нихъ изложенныя, а не *за языкъ*, на которомъ писаны, и если таковыхъ сочиненій представляется въ Кіевскій цензурный комитетъ значительное число, то комитетъ сей могъ-бы просить о временномъ усиленіи личнаго состава цензоровъ. Требованіе-же комитета, чтобы приняты были мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно не основательнымъ. Что-же касается до мнѣнія Кіевскаго генералъ-губернатора, что опасно и вредно выпустить въ свѣтъ малороссійскій переводъ Новаго Завѣта, разсматриваемый духовною цензурою, то изъ уваженія къ г. ген.-ад. Анненкову я объясняю себѣ подобный отзывъ какою-то неопытною канцелярскою ошибкою. Духовное вѣдомство имѣетъ священную обязанность распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ, и истиннымъ праздникомъ башей церкви былъ-бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ понятномъ обитателямъ. Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, всемѣрно старается о распространеніи въ своихъ училищахъ и черезъ нихъ въ народѣ книгъ духовнаго содержанія, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и въ ряду этихъ книгъ

---

[1]) Курсивъ подлинника.

Новый Завѣтъ на мѣстномъ нарѣчіи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему малороссійскій переводъ Евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и министерство народнаго просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха".

Въ 1873—1876 г. промелькнуло какое-то послабленіе; пропущенъ былъ переводъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, прошли повѣсти Федьковича съ обширнымъ предисловіемъ Драгоманова, и тѣмъ болѣе тяжелымъ оказался ударъ 1876 г.—знаменитое въ своемъ родѣ секретное предписаніе о допущеніи на малорусскомъ языкѣ лишь произведеній изящной словесности, и то каждый разъ по разсмотрѣніи рукописи въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, съ приложеніемъ требованій, чтобы небыло допускаемо отступленій отъ общерусскаго правописанія.

Въ Россіи законъ 1876 г. не могъ вызвать возраженій и осужденій, такъ какъ всѣ пути для того здѣсь были закрыты. Но въ Западной Европѣ этотъ законъ вызвалъ негодованіе. „Neue freie Presse" въ статьѣ „Russische Nivellirungs—Politik" выразилась такъ: „Eine solche Ausrottungs—Politik im eigenen Lande ist ein immenser Hohn auf Bildung und Kultur", т. е. такая политика истребленія въ собственной странѣ есть издѣвательство надъ образованіемъ и культурой. Чешскіе „Narodni Listi" писали, что такого огульнаго запрета цѣлой малорусской литературы не можетъ одобрить ни одинъ другъ славянства и Россіи".—„Oběžnik jenž celi proti ušem spisům maloruskym opatreni, jehož zajiste nebude a nemůže schvalouati netoliko nižadny pratel Slowenstva vůbec, nybrž nižadny politik razumny, jenž ma smašleni přatelske pro welikou řiši ruskou".

Законъ 1876 г., изданный графомъ Толстымъ въ періодъ насажденія въ Россіи классической системы образованія, былъ истолкованъ заграничными газетами, какъ часть „Verdummungssistem", т. е. сознательно проводимой системы оглупленія народа.

Подъ прямымъ давленіемъ закона 1876 года стала развиваться малорусская литературная эмиграція; малорусскіе писатели перенесли свой трудъ въ галицкія изданія. Въ Галиціи заявили: „не забудемъ ни на минуту, что на насъ лежитъ отвѣтственность за долю и недолю нашего народа". Съ этого времени начался большой ростъ заграничной малорусской литературы, съ преобладаніемъ протестующаго настроенія. Въ сознаніи, что „свѣтъ правды разольется черезъ всякія преграды" галицко-русская литература росла быстро; въ настоящее время она имѣетъ около 40 журналовъ и газетъ на малорусскомъ языкѣ.

Уже въ 1867 г., отчасти въ противовѣсъ закону 1863 г., въ Галиціи стала выходить „Правда“, а затѣмъ пошли другія многочисленныя галицкія изданія съ сотрудниками въ большинствѣ изъ живущихъ въ Россіи малорусскихъ писателей. Уже самая необходимость писать въ заграничныхъ изданіяхъ придала послѣдующей украинской литературѣ протестующій характеръ, примѣняясь къ которому галицкіе писатели еще болѣе усиливали общій тонъ обиды и раздраженія.

Къ числу въ высшей степени вредныхъ для Россіи послѣдствій приложенія полицейскаго начала къ малорусскому языку, нужно еще отнести отдѣленіе и отчужденіе этого языка отъ русскаго литературнаго. Малорусскій языкъ, въ той формѣ, какъ онъ сталъ развиваться въ Россіи (проза Квитки, поэзія Шевченка), стоитъ близко къ русскому; какъ кіевская, такъ въ особенности харьковская обстановка была чрезвычайно благопріятна для братскаго единенія двухъ языковъ. Изгнанная въ Галицію украинская литература неизбѣжно усвоила себѣ такіе элементы сравнительно далекихъ галицко и угорско-русскихъ нарѣчій и подверглась такимъ нѣмецкимъ и польскимъ вліяніямъ, которыя внесли много новыхъ словъ, новыхъ понятій, новыхъ литературныхъ оборотовъ и пріемовъ, чуждыхъ русской литературной рѣчи. Когда въ близкомъ будущемъ украинское литературное слово получитъ полное право гражданства, въ чемъ разумѣется не можетъ быть никакого сомнѣнія, то коренные украинцы съ грустью будутъ вспоминать объ изящной простотѣ и чистотѣ языка Квитки и Шевченка, и долго еще сохранится память о тяжкихъ судьбахъ прожитаго сорокалѣтія.

Подъ гнетомъ закона 1876 г. въ Малороссіи все замолкло. По этому запрету до сихъ поръ не могло выйти евангеліе на малорусскомъ языкѣ, не пропущены переводы Овидія, Данта, Шекспира, устранено множество научно-популярныхъ статей.

Въ запретительной системѣ было чрезвычайно много рѣзкой непослѣдовательности и противорѣчія, придавшихъ всей системѣ характеръ полнаго личнаго произвола. Такъ, въ сборникѣ народныхъ сказокъ Рудченка 1869 г. была помѣщена сказка „Бѣдный волкъ“, сказка совершенно народная и вполнѣ безобидная. Въ 1885 г. она была перепечатана въ Харьковѣ отдѣльной книжечкой, а въ 1889 она уже не допущена была цензоромъ въ кіевскомъ сборникѣ „Казки та оповидання“. Сказка „Яйце райце“ издается въ 1869, переиздается въ 1876 г., запрещается въ 1888 г., снова разрѣшается въ 1891 г.—простая дѣтская народная сказка. Какъ это ни курьезно, но фактъ на лицо—сказки, записанныя изъ устъ народа, въ теченіе многихъ вѣковъ вращающіяся въ народѣ, неоднократно изданныя въ печати, вдругъ, по усмо-

трѣнію цензуры, попадаютъ въ число плодовъ неблагонадежныхъ и запретныхъ.

Прилагаемые къ малорусскому языку фактическія ограниченія и запреты обнаруживаютъ часто поразительное непониманіе и произволъ. Напр. въ сборникѣ „Колоски“ въ выраженіяхъ „наша Украина“ зачеркнуто слово „наша“, точно она страна иностранная. Иногда совершенно искусственно проводится различіе между въ сущности тождественными терминами малорусскій, южнорусскій и украинскій, съ отнесеніемъ слова украинскій къ неблагонадежнымъ и произвольной замѣной его словами малорусскій, южнорусскій. Вычеркиваются иногда названія Запорожье, Сѣчь, точно въ исторіи никогда не было никакихъ Запорожскихъ Сѣчей.

Единственная область украинской литературы, получившая нѣкоторую возможность развитія — это драма. Императоръ Александръ III, ознакомившись лично съ малорусскимъ театромъ, отнесся къ нему сочувственно и покровительственно. Въ 1881 г. дано было разрѣшеніе на изданіе и постановку малорусскихъ пьесъ; въ короткое время число малорусскихъ трупъ увеличилось, и малорусскій театръ сталъ привлекать къ себѣ вниманіе не только въ Малороссіи, гдѣ онъ вполнѣ понятенъ, но и въ Великороссіи, въ Сибири; но, вопреки желанію Императора Александра III, цензура продолжала тѣснить малорусскую драму, преимущественно въ той формѣ, что разрѣшаемы были худшія произведенія и запрещаемы лучшія. Устранялись пьесы историческаго содержанія, пьесы на темы изъ жизни интеллегенціи и т. д. Произвольными мѣрами цензура стремилась ограничить горизонтъ литературы предѣлами хатъ и хутора, но даже и въ этихъ узкихъ предѣлахъ допускалось лишь изображеніе семейной жизни, преимущественно ссоръ и пьянства. Въ однихъ случаяхъ задерживая, въ другихъ совсѣмъ не разрѣшая лучшихъ пьесъ Карпенка-Караго, Конискаго и Кропивницкаго, и давая разрѣшеніе преимущественно пьесамъ нелѣпымъ и грубымъ, цензура понижала присущее малороссійской драмѣ высокое нравственное воспитательное значеніе.

Въ приложеніи къ малорусскому слову цензурныя запрещенія такъ часты, по причинамъ совершенно личныхъ усмотрѣній, что самый фактъ цензурнаго разрѣшенія малорусскихъ книгъ давно уже получилъ характеръ простой случайности. Въ теченіе одного лишь 1904 г. запрещены цензурой такія скромныя изданія, какъ сборникъ басенъ для дѣтей, сборникъ разсказовъ галицкаго писателя Стефаныка, незадолго передъ тѣмъ вышедшій въ Львовѣ въ переводѣ Мочульскаго на поль-

скій языкъ, повѣсть Франко „До свита“. Въ 1903 г. цензура не пропустила статью Гринченка „Великій войовникъ“ (объ Александрѣ Македонскомъ), статьи Катренка „Дытынячи згадки про всячину“, статью Комарова „Добра праця“, заключавшую въ себѣ жизнеописаніе первоучителей славянскихъ свв. Кирилла и Меѳодія, брошюру Черняховскаго объ оспопрививаніи, учебникъ Ефремова „Оселя, читанка для дітей наймолодшого віку“, сборникъ Галайды „Святи письни“. Книжка Маріупольця о физіологіи человѣка „Якъ живе тило людске“ четыре раза отвергнута цензурою. Такія скромныя популярныя рукописи, какъ „Наставленіе матерямъ“ Мировця, „Про комахъ“ Степовыка, „Про гори“ Загирной, „Порадникъ жинкамъ“ Авраменка, „Про вулканы“ Бондаренка были не пропущены *изъ за одного* лишь языка. Малороссы лишены такимъ образомъ права знать, какъ нужно обращаться съ беременными женщинами и новорожденными дѣтьми, кто такіе были свв. Кириллъ и Меѳодій, какъ нужно предохранять себя отъ оспы...

Предложеніе свѣдѣній, въ родѣ тѣхъ, которыя находятся въ недопущенныхъ цензурою брошюрахъ, представляется желательнымъ, болѣе того—необходимымъ уже въ силу запросовъ, идущихъ непосредственно отъ читателей изъ народной среды, какъ это ясно видно изъ тѣхъ многочисленныхъ пожеланій, съ которыми обращаются къ издающемуся въ Полтавѣ сельско-хозяйственному журналу „Хуторянинъ“ его подписчики и корреспонденты изъ крестьянъ. Такъ, одинъ изъ этихъ читателей заявляетъ, что было-бы весьма интересно, если-бы хотя часть того матеріала, который дается журналомъ, была излагаема на языкѣ вполнѣ доступномъ мѣстному населенію. Насколько языкъ, понятный народу, играетъ важную роль въ дѣлѣ популяризаціи свѣдѣній по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, видно, между прочимъ, изъ того успѣха, который выпалъ на долю брошюръ г. Чекаленка, получившихъ одобреніе отъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Брошюры эти были разосланы при газетѣ „Хуторянинъ“ и вызвали цѣлый рядъ самыхъ благопріятныхъ отзывовъ со стороны опрошенныхъ редакціей 103 корреспондентовъ. Благодаря книгамъ г. Чекаленка, стало примѣняться крестьянами травосѣяніе, о которомъ ранѣе и помину не было; возникъ интересъ къ породамъ скота, заговорили объ уходѣ за скотомъ и даже начали заниматься разведеніемъ винограда. Изъ этого частнаго примѣра вытекаетъ, что однимъ изъ могучихъ орудій въ дѣлѣ поднятія экономическаго благосостоянія крестьянства можетъ служить популяризація необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ знаній на понятномъ и доступномъ населенію языкѣ.

Книжной терминологіи для этого недостаточно. Напримѣръ, подъ словомъ „лугъ“ въ Малороссіи разумѣютъ лишь низменный, заливной сѣнокосъ, подъ словомъ „пашня“ понимается малороссіяниномъ не пахатное поле или нива, а хлѣбъ на корню или въ зернѣ. „Пластъ“— полоса земли, отрѣзываемая плугомъ при паханіи, по малорусски „скиба“, паръ—„толока“, хоботье—„полова“, гумно—„токъ“ и т. д. и это не только по отношенію къ земледѣлію, но и по отношенію къ скотоводству, сельско-хозяйственной утвари, постройкамъ, терминологіи явленій природы [1]) и проч. Значеніе языка, какъ средства проведенія въ народныя массы необходимыхъ знаній, играетъ въ особенности важную роль въ томъ случаѣ, когда приходится говорить о техникѣ производства уже установившагося и знакомаго населенію.

Въ то время, когда Россія вступила въ тѣсное общеніе со всѣмъ міромъ, когда въ экономической борьбѣ всякое государство напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы лучше вооружить общество пріобрѣтеніями цивилизаціи, едва-ли удобно ставить препятствія для распространенія научныхъ знаній среди многомилліоннаго народа, застывшаго въ давно обветшалыхъ хозяйственныхъ формахъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста малоросса сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи.

Современныя условія какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, ставятъ наше земледѣльческое населеніе въ исключительно невыгодное положеніе. Давняя, сильно обострившаяся въ послѣднее время конкуренція хлѣбопроизводящихъ странъ на всемірномъ рынкѣ, невыгодные торговые договоры, а въ особенности послѣдній договоръ съ Германіею, крестьянское малоземелье и малая производительность—все вмѣстѣ доводитъ трудъ земледѣльца-малоросса до крайняго обезцѣненія и истощенія. А между тѣмъ на плечахъ земледѣльца лежитъ главная тяжесть государственнаго бюджета; онъ же питаетъ нашу внутреннюю обрабатывающую промышленность, вывозитъ часть зерновыхъ продуктовъ, нужныхъ для его пропитанія, заграницу для уплаты по государственнымъ займамъ и для поддержанія торговаго баланса, даетъ жизнь и движеніе всему нашему экономическому механизму. Велика его задача и въ тоже время тяжелы условія его жизни; необходима серьезная помощь въ его хозяйственной дѣятельности, а прежде всего нужно

---

[1]) Напримѣръ электричество—„громовина“, лучъ—„промінь“, радуга „веселка“.

ему просвѣщеніе. Малороссійское племя занимаетъ болѣе одной трети той обширной области, которая составляетъ земледѣльческій раіонъ Россіи. Велико поэтому участіе малороссійскаго хлѣбороба въ экономическихъ судьбахъ нашего отечества, велика нужда его въ просвѣщеніи и нужно, чтобы оно явилось къ нему въ наиболѣе естественной и доступной его пониманію формѣ. Такой естественной формой является его родной языкъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ совершеннаго отсутствія представленія о строеніи человѣка и о вліяніи на него различныхъ болѣзнетворныхъ причинъ зависитъ огромная заболѣваемость, смертность и вырожденіе, замѣчаемыя въ малорусской крестьянской средѣ. Пьянство, въ особенности сифилисъ являются бичами, грозящими постепенно извратить нѣкогда здоровую и сильную рассу. Въ данномъ случаѣ одной врачебной помощи недостаточно; необходимо дать темной массѣ хотя небольшія знанія по анатоміи, физіологіи, патологіи и гигіенѣ въ краткихъ, но ясныхъ и непремѣнно научныхъ чертахъ съ надлежащими, гдѣ только возможно, иллюстраціями. Но послѣднее достижимо только въ томъ случаѣ, если эти необходимыя знанія будутъ предложены народу на языкѣ ему понятномъ, т. е. малорусскомъ.

Признавая вслѣдъ за Комитетомъ Министровъ, *что русскій языкъ, какъ государственный, долженъ господствовать во всей Россіи*, Коммисія не можетъ умолчать о чрезвычайной важности допущенія въ низшихъ школахъ мѣстныхъ языковъ и нарѣчій *какъ педагогическаго пособія*. Нельзя ставить дѣтей малороссовъ въ исключительно неблагопріятное положеніе по сравненію съ дѣтьми великороссами, при одинаковыхъ отъ нихъ требованіяхъ первоначальной школы. Если, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, на судѣ взрослые крестьяне малороссы часто очень плохо или превратно понимаютъ рѣчи предсѣдателя, прокурора и защитника, то что же сказать о восьмилѣтнихъ дѣтяхъ, вступающихъ въ чуждую и мало для нихъ понятную школьную обстановку. Если взять, напримѣръ, самую распространенную учебную школьную книгу, примѣняемую въ Малороссіи такъ же обязательно, какъ и въ Великороссіи—„Наше родное“ Баранова, именно первый годъ обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ, то уже тутъ найдемъ рядъ преткновеній для малорусскихъ дѣтей, неизвѣстныхъ великоруссамъ, найдемъ множество словъ, или совсѣмъ не употребляемыхъ въ Малороссіи, или здѣсь извѣстныхъ съ другимъ совсѣмъ значеніемъ. Такъ, слова луна, недиля, у малоруссовъ имѣютъ особое

значеніе, луна — эхо, недиля — воскресенье. Такія стихотворенія, какъ пушкинское

Зима. Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь.
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью, какъ нибудь.
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая,
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ,
Въ тулупѣ, красномъ кушакѣ,

такія стихотворенія украинскому ребенку совсѣмъ непонятны и требуютъ почти полнаго перевода. Болѣе половины словъ приведеннаго стихотворенія малороссамъ совсѣмъ неизвѣстны; дровни, бразды, пушистый, плетется, кибитка, облучокъ, тулупъ, кушакъ—все это для него странно и непонятно, такъ какъ онъ знаетъ кожухъ, а не тулупъ, передокъ, а не облучокъ, поясъ, а не кушакъ, и т. д. Въ учебникѣ, напримѣръ, часто упоминается деревня, а въ Малороссіи знаютъ только село, слободу, а подъ деревней разумѣютъ складъ лѣсныхъ матеріаловъ, упоминаются часто туча, волна, тѣнь, цвѣтокъ, мельница, молнія, изба, рожь, лѣсная опушка, тропинка, срокъ, плоды, и все это для украинскихъ дѣтей совершенно темно, такъ какъ всѣ эти предметы носятъ у нихъ другія названія: хмара, хвыля, холодокъ, квитка, витрякъ, блискавка, хата, жито, взлисье, стежка, часъ, овощи и т. д. и т. д. Въ итогѣ въ дѣтской головѣ накопляется множество невыясненныхъ и перепутанныхъ словъ; пониманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обученіе встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ затрудненій, и все служитъ одной изъ главныхъ причинъ малой успѣшности народной школы среди малорусскаго населенія. Въ Малороссіи школа изстари пользовалась любовью народа, а какъ она была высоко поставлена, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служитъ тотъ поразительный фактъ, что въ 1732 году нынѣшняя харьковская губернія имѣла уже такое число школъ, къ какому она впослѣдствіи еле могла подняться черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ въ 1882 году, причемъ школы эти были созданы самимъ народомъ и содержимы на его собственныя средства. Гибель народной школы въ XVIII и началѣ XIX в. обусловлена была съ одной стороны крайней регламентаціей, а съ другой полнымъ устраненіемъ изъ преподаванія родного языка.

Больнѣе и обиднѣе всего для малороссовъ запрещеніе перевода евангелія. Малоруссы, добровольно объединившіе всѣ свои интересы съ великорусскимъ народомъ, не имѣютъ права слушать и читать евангеліе на родномъ языкѣ, въ своей странѣ, гдѣ пользуются та-

кимъ естественнымъ правомъ всѣ инородцы и иновѣрцы, въ своемъ государствѣ, гдѣ въ силу 45 ст. основн. зак. разрѣшается всѣмъ народамъ, славить Бога всемогущаго „разными языки“. Если даже допустить, что великорусскій языкъ малороссамъ такъ понятенъ, какъ украинскій, чего, однако, нѣтъ и въ такомъ случаѣ въ приложеніи къ Евангелію немыслимо и недопустимо какое-либо запрещеніе; что же сказать, при значительномъ различіи языковъ, при существованіи переводнаго перевода Морачевскаго, одобреннаго Академіей наукъ, и перевода Кулиша и Пулюя, обращающагося среди малорусскаго населенія заграницей? Это одинъ изъ тѣхъ фактовъ насилія надъ мыслью, словомъ и совѣстью, который прежде всего не находитъ себѣ никакихъ основаній въ коренныхъ принципахъ православія. Православная церковь никогда не возражала противъ перевода Евангелія, вообще книгъ св. писанія на какой либо изъ языковъ, доказательствомъ чему, между прочимъ, можетъ служить отправленіе богослуженія преосв. Николаемъ въ Японіи на японскомъ языкѣ и переводъ на нѣмецкій языкъ литургіи протоіереемъ Мальцевымъ для жителей слободы Александровки въ окрестностяхъ Берлина. 23 года тому назадъ проф. Пулюй хлопоталъ о допущеніи его перевода евангелія и получилъ отказъ. Въ 1904 г. онъ обратился въ Академію наукъ съ просьбою настоять на разрѣшеніи. „Въ Россіи, говоритъ г. Пулюй, слово Божіе проповѣдуется на сорока языкахъ, и даже монголы и татары имѣютъ Евангеліе на родныхъ языкахъ, и только единовѣрному украинскому народу оно запрещено. Согласно закону 1876 г. въ Россіи каждый, имѣющій въ своемъ домѣ евангеліе на малорусскомъ языкѣ, является преступникомъ. Малорусскаго евангелія не могутъ читать раненные солдаты, пролившіе свою кровь за Россію, и они лишены послѣдней, быть можетъ, въ ихъ жизни отрады услышать слово Божіе на понятномъ и родномъ языкѣ. Это обида цѣлой Россіи, такъ какъ доля Украины составляетъ не малую часть доли всей Россіи“.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Комиссія полагаетъ, что въ равной степени какъ для Малороссіи, такъ и для всей Россіи, для развитія и подъема культуры населенія въ отношеніяхъ экономическомъ, умственномъ и нравственномъ, ради здравой государственной и общественной логики, наконецъ, ради простого чувства справедливости необходимо:

1. Примѣнять къ малорусской литературѣ тотъ порядокъ, который будетъ примѣняться послѣ ожидаемой цензурной реформы къ про-

изведеніямъ русской литературы, не выдѣляя никоимъ образомъ малорусскаго населенія, составляющаго часть основнаго русскаго ядра, въ разрядъ инородческій.

2. Предоставить полную свободу въ дѣлѣ перевода на малорускій языкъ священнаго писанія, книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, вмѣстѣ съ тѣмъ и для церковной проповѣди какъ въ печати, такъ и въ живомъ словѣ.

3. Признать полную законность народныхъ чтеній и бесѣдъ на малорусскомъ языкѣ по беллетристикѣ и по всѣмъ отраслямъ научно-популярныхъ знаній, а равнымъ образомъ допускать въ школьныя библіотеки и народныя читальни книги на малорусскомъ языкѣ наравнѣ съ русскими.

4. Уравнять всецѣло малорусскую драматическую литературу и украинскую сцену съ общерусскими.

5. Допустить украинскую періодическую печать на одинаковыхъ правахъ съ общерусской.

6. Допускать въ Россію галицко-русскія періодическія изданія и книги къ обращенію наравнѣ со всѣми другими на общихъ основаніяхъ.

7. Не касаясь вопроса о языкѣ преподаванія въ первоначальной школѣ въ малороссійскихъ губерніяхъ, такъ какъ этотъ вопросъ совершенно изъятъ изъ обсужденія, Комиссія во всякомъ случаѣ находитъ необходимымъ, чтобы предоставлено было право помѣщать въ учебникахъ переводы и объясненія малопонятныхъ для дѣтей малороссовъ русскихъ словъ и выраженій, равно какъ издавать литературныя хрестоматіи и другія педагогическія пособія.

56800

Предсѣдатель коммиссіи *Н. Сумцовъ*.

Члены: *Д. Багалѣй.*
Т. Буткевичъ.
А. Бѣлоусовъ.
А. Зайкевичъ.
А. Раевскій.
М. Халанскій.
М. Чубинскій.

Секретари: *Н. Максимейко.*
Серг. Соловьевъ.

Центральна наук
Библиотека ім
Інв. №